

Аркадий Маргулис, Виталий Каплан Палестина След в след с Наблюдателем

По дороге к дому Ахмада

Едва над горизонтом показался пастельный шар солнца, заиндевшее облако стряхнуло наземь невесомую пелену. Кисея устлала городскую площадь, но затем, словно аура, собранная вселенской лупой, превратилась в подпалину, точь-в-точь в тень человека. Сквозь неё просвечивался тротуар в траурной паутине щелей и трещин. И тут же, как иллюзия, возник сгорбленный силуэт. Может быть, планетарного патриарха или, не исключено, старейшего долгожителя в секторе Газа, очага сокровенной харизмы. Внешностью вполне под стать месту и времени. Курильщики, облокотившись на подоконники, спроваживая дым в открытые окна, проморгали его появление. И, конечно, прозевали мелодичный речитатив, похожий на кантату ветра в надтреснутом устье амфоры. Но даже если бы и расслышали, то вряд ли сумели уловить в нём напоминание: «Сначала Бог создал землю...»

Проникновенное на языках и наречиях.

Извечно великая непостижимость пространства выплёскивала в космос сгустки энергии, дарованные Земле. Насыщенные заповедями и предвестиями. Старец не знал цели, но с завидным рвением и неисчислимой энергией выполнял начертания. Даже наложенные друг на друга и совпадающие во времени. Именно поэтому он присутствовал одновременно всюду. В любом месте, в каждый момент, во всякой ипостаси — женщины, мужчины или ребёнка. В произвольном стечении событий, в их прихотливых сочетаниях ломалась хронометрическая последовательность. Иногда могло показаться, что стрелки часов обращались вспять. Всего лишь почудиться, ведь порядок оставался прежним. Информация, словно собранная мириадами пчёл амброзия, навсегда складывалась в несметные соты памяти. Ему завещалось высшее призвание — наблюдать и запоминать — так, чтобы история всегда оставалась чистой. Без примеси искажений. Не исчезала. На это и был сподоблен Наблюдатель — одухотворённый перст Божий. Одна из Его неисчислимых функций. Этим и жил.

Старик сокрушался: «Человек, чудо творения, кто смеет спорить! Смеют! Они, люди. Неблагодарное разрозненное стадо! Одни веруют в Бога, или в нескольких богов сразу. Другие в

Высший Разум. И третьи — эти ни во что не верят! Горемыки! Один из учёных мужей доказал существование Божеских следов и мет. Обоснует и самое бытие Творца. Какая разница, назовёшь Создателя Господом или Высшим Разумом. Кто в силах представить себе, что Хаос может породить Порядок? Измени единственную цифру в естестве мироздания, и оно погибнет. Исчезнет Творение, но отвергнет смерть Разум. Бог был всегда и всегда будет. Он бесконечен. Точно так и человеческий ум всегда считался благом. Божественным даром».

Старец проложил себе маршрут, включавший первые из намеченных поприщ. Сначала ему предстояло добраться к дому безбородого Ахмада. Ничем не примечательной постройкой скромного банковского чиновника. Кроме того, что она надёжно ограничивала тесный рынок со стороны, наискосок противоположной чайхане толстяка Мансура.

Рыночная площадь находилась в нескольких куцах кварталах от Торгового центра, и Наблюдатель без затруднений вышел к заветному перекрёстку. Чайханщик спозаранку открыл заведение. Он, несомненно, был прав. Солнце поднималось выше и выше, и духота подгоняла жителей окрестных улиц за покупками, пока не стало жарко. Что может быть желаннее фруктов на обеденном столе. Но именно это обстоятельство

было на руку и Мансуру. Больше посетителей на рынке — больше шансов, что кто-нибудь из них пожелает пропустить стаканчик-другой эффектно заваренного чая.

Наблюдатель выбрал один из трёх столиков на тротуаре. Почему-то именно тот, что краем выползал из-под навеса. Чайханщик немедленно захлопотал вокруг гостя.

Стрела Аладдина

Наблюдателю нравилась Газа. Нравились люди, населявшие её. Бесхитростные, эмоциональные, настоящие. Если бранятся, то до конца. Если любят — до гроба. В других землях таких давно нет. Вымерли, как динозавры. Так уже бывало. Климат посуровел, и большие ящерицы уступили место мелким, зато высокоинтеллектуальным существам.

В ближних землях, у соседей-евреев, повеяли новые моды. Новые заморочки. Нахмурил излишне брови — плати штраф. Разразился не в меру эмоциями — схлопочи срок условно. Сказал женщине комплимент — гряди в места не столь отдалённые.

Вблизи, но не здесь. Пожалуйте убедиться — и Наблюдатель по привычке наблюдал. Вот и теперь он смаковал вкусный, тягуче-маслянистый

чай в крошечной, на три столика, чайхане толстого Мансура. Неразбериха первого впечатления постепенно исчезала. Теряла непосредственность беспорядка, лишалась импровизации... Если внимательно разглядеть.

Рынок. Дети воробьиной стайкой порхали от лотка к лотку, ничего не покупая. Хихикали. Бранились с босоногими, как и они, продавцами. Так проходила минута, другая. С десятков. Иногда час. Здесь, в Газе, времени не придавалось значения. Время здесь вообще иное. Не такое, как везде. В Газе оно всегда двигалось не строго по прямой. Наоборот, извивалось отдельно, не оставляя путевых отметин. В Газе время имело траекторию, отличавшуюся от полета пули. Переменную. То в мгновение ока, то со скоростью черепахи. Порой замкнутую, порой штрих-пунктиром. Но всегда точно в цель. Вот и детишки запропастились, потому что карманы, раньше свисавшие впустую, заметно распухли и раздались в стороны.

Чем не спектакль. Сущая гармония. Появилась и героиня. Славная девушка, природная лань. Чёрный хиджаб с узкой прорезью для глаз. Или это опытная женщина? Не рассмотреть. Хотя — скорее, девушка. Худенькая. Стройнёнькая. Из глаз алмазинки солнца. Шла гордо. Головкой из любопытства не крутила. Береглась. Точно —